

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1-322.2

О. Н. Голикова

РОЛЬ НОМИНАТИВНЫХ И ИНФИНИТИВНЫХ РЯДОВ В АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ ПОЭЗИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

*О. М. ГОЛИКОВА. РОЛЬ НОМИНАТИВНИХ ТА ІНФІНІТИВНИХ РЯДІВ В АКТУАЛІЗАЦІЇ
ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ ТА ІНТЕРДИСКУРСИВНОСТІ ПОЕЗІЇ ЕПОХИ ПОСТМОДЕРНА.*

У статті описано номінативні та інфінітивні ряди як продуктивний засіб встановлення міжтекстових зв'язків та відносин. Аналізується інтертекстуальний потенціал цих конструкцій у зв'язку з їхньою граматичною природою. Наголошується прецедентність номінативних та інфінітивних рядів у російській поетичній традиції. Наводяться приклади поетичних творів, де ці ряди є сигналами інтертекстуальності та інтердискурсивності. У статті показано, що, спираючись на прецедентні тексти, форма номінативного або інфінітивного ряду повторює певний поетичний смисл або смисли. Центральне місце посідає опис інтертекстуальності та інтердискурсивності поезії епохи постмодерна.

Ключові слова: інтертекстуальність, інтердискурсивність, номінативний ряд, інфінітивний ряд, прецедентність, сигнал інтертекстуальності.

*О. Н. ГОЛИКОВА. РОЛЬ НОМИНАТИВНЫХ И ИНФИНИТИВНЫХ РЯДОВ В
АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ ПОЭЗИИ
ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА.*

В статье описываются номинативные и инфинитивные ряды как продуктивное средство создания межтекстовых связей и отношений. Анализируется интертекстуальный потенциал этих конструкций в связи с их грамматической природой. Подчеркивается прецедентность номинативных и инфинитивных рядов в русской поэтической традиции. Приводятся примеры поэтических произведений, где эти ряды являются сигналами интертекстуальности и интердискурсивности. В статье показано, что, опираясь на прецедентные тексты, форма номинативного или инфинитивного ряда повторяет определенный поэтический смысл или смыслы. Центральное место занимает описание интертекстуальности и интердискурсивности поэзии эпохи постмодерна.

Ключевые слова: интертекстуальность, интердискурсивность, номинативный ряд, инфинитивный ряд, прецедентность, сигнал интертекстуальности.

*GOLIKOVA OKSANA. ROLE OF NOMINATIVE AND INFINITIVE ROWS IN ACTUALIZA-
TION OF INTERTEXTUALITY AND INTERDISCOURSIIVITY IN THE POETRY OF THE POST-
MODERN AGE.*

The article deals with the nominative and infinitive rows as the productive tool for creation of intertextual links and relations. The intertextual potential of such structures is analyzed in relation with their grammatical nature. The precedence of nominative and infinitive rows in the Russian poetic tradition is outlined. Examples of the poetic opuses, where the aforesaid rows are signals of intertextuality and interdiscursivity, are set forth. The article shows that form of nominative or infinitive row, being based on the precedent texts, reduplicates the specific poetic essence or essences. Description of intertextuality and interdiscursivity of the poetry of the post modern age is being focused on.

Key words: intertextuality, interdiscursivity, nominative row, infinitive row, precedence, intertextuality signal.

Интертекстуальный потенциал номинативных и инфинитивных рядов представляет собой актуальный предмет лингвопоэтического рассмотрения. Говоря о способах включения элементов предтекстов во вторичные тексты, филологи уделяют основное внимание цитированию, причем подробно анализируется уровень лексики. В качестве примеров подобных исследований можно привести работы Е.К. Рябиной, И.В. Шаповаловой, М.Б. Ямпольского.

Грамматический уровень как межтекстовый компонент описан скудно. В своей работе мы ставим целью описать номинативные и инфинитивные ряды как одно из средств создания интертекстуальности и интердискурсивности, а также проанализировать их семантический потенциал в актуализации соотношенности между поэтическими системами и текстами.

Эти конструкции прочно заняли свое место в поэтическом языке как составляющие «грамматической ткани» (термин Винокура) лирических текстов. Для лирики характерным является особый угол зрения, под которым поэт смотрит на мир. «В поэзии человек живет лицом к лицу с Вечным временем и бесконечностью Мироздания, со Смертью, с Любовью как метафизическим преодолением бренности бытия, с Богом как образно-философским осуществлением абсолюта» [9, с. 12]. Особенностью лирики является осязаемость присутствия автора, сознание которого «может быть выражено в самых разных формах – от персонифицированного лирического героя до абстрактного образа поэта, включенного в классические жанры, и, с другой стороны, до всевозможных «объективных» сюжетов, персонажей, предметов, зашифровывающих лирического субъекта именно с тем, чтобы он продолжал сквозь них просвечивать» [2, с. 5-6]. В лирике пространство и время не имеют границ. Лирическое пространство и его наполнение тоже не имеют ограничений. Как указывает И.И. Ковтунова, в момент лирического творчества происходит особый диалог с предметом лирического переживания и описания [5, с. 9]. Под диалогом в данном случае автор понимает переключку тем, идей, образов.

В эстетике постмодернизма интертекстуальность становится продуктивным художественным приемом. Авторы эпохи постмодерна сами признают, что их тексты зачастую бывают неосознанно интертекстуальными. Художник видит мир не только сквозь призму культурных кодов, но, прежде всего, он ощущает интертекстуальную природу реальности. Именно поэтому постмодернистский художник слова отказывается от оригинальности высказывания, стремясь к индивидуальности и оригинальности соответствий. Интертекстуальный мир постмодерна насквозь пропитан культурным контекстом, соткан из цитат, поэтому художественное мировосприятие – ничто иное, как чтение уже сказанного, уже виденного, уже читанного. Письмо, или смыслотворчество, в связи с этим становится главным эстетическим объектом в постмодернизме. «Как язык, так и творчество в широком смысле – нечто вроде такого диалога с прошлым, в котором старое вызывает новаторскую реакцию, а слыша новое, мы вспоминаем о чем-то своем, старом» [4, с. 12].

Соответственно меняется и позиция автора. Если ранее в художественном тексте преобладал монологический автор, часто «всезнающий», то теперь авторская истина ничем не отличается от истин или точек зрения других персонажей мира-текста. Мир, состоящий из голосов-цитат разных культур и эстетических систем, говорит на разных языках и разными голосами. Только их резонанс рождает смысл текста. Проиллюстрировать этот тезис можно при помощи стихотворения Александра Башлачева «Не позволяй душе лениться»: *«Не позволяй душе лениться, / Лули чертовку сгоряча. / Душа обязана трудиться / На производстве кирпича. // Ликует люд в трамвае тесном. / Танцует трудовой народ. / Мороз и солнце – день чудесный / Для фрезеровочных работ. // В огне тревог и в дни ненастья / Гори, гори, моя звезда! / Звезда пленительного счастья - / Звезда Героя соцтруда! // Решил партком единогласно / Воспламениться и гореть. / В саду горит костер рябины красной, / Но никого не может он согреть. // Не мореплаватель, не плотник, / Не академик, не герой, – / Иван Кузьмич – ответственный работник. / Он заслужил почетный гемморрой. // Его пример – другим наука. / Век при дворе. И сам немного царь. / Так, черт возьми, всегда к твоим услугам / Аптека, улица, фонарь. // Он был глашатай поколений. / Куда бы он не убежал, / За ним повсюду бедный Ленин / С тяжелой кепкою шагал. // Как славно выйти в чисто поле / И крикнуть там: – Е...на мать! / Мы кузнецы. Чего же боле? / Что можем мы еще сказать? // Когда душа мокра от пота / Ей*

некогда ни думать, ни страдать. / Но у народа нет плохой работы, / И каждая работа – благодать. // Не позволяй душе лениться / В республике свободного труда. / Твоя душа всегда обязана трудиться, / А паразиты - никогда!//».

В приведенном выше стихотворении присутствуют как номинативные, так и инфинитивные ряды, которые представляют собой сигналы интертекстуальности и интердискурсивности, отсылающие читателя к произведениям различных авторов и эпох. Среди легко узнаваемых предтекстов – стихотворения А. Пушкина, А. Блока, С. Есенина и Н. Заболоцкого, аллюзии к известным романсам, а также песням и лозунгам советского периода. Проанализируем, какие именно произведения цитирует А. Башлачев. В первой и последней строфе поэт цитирует Н. Заболоцкого и его стихотворение «Не позволяй душе лениться». Во второй и шестой строфе присутствуют узнаваемые строки А.С. Пушкина «Мороз и солнце» и строка из «Евгения Онегина». В третьей строфе узнаем цитату романса В. Чуевского «Гори, гори, моя звезда». Последняя полустрофа четвертой строфы цитирует С. Есенина «Отговорила роща золотая». Пятая строфа отсылает читателя к задорной песне советского периода «Не кочегары мы, не плотники» (автор слов: В. Котов). Последний стих шестой строфы («Ночь, улица, фонарь, аптека») представляет собой цитату стихотворения А. Блока. В восьмой строфе снова цитируется роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Здесь происходит совмещение слов великого русского поэта и советской песни «Мы кузнецы и дух наш молод» (слова Ф. Шкулева). Девятая строфа отсылает читателя к песне из кинофильма советских лет «Служебный роман» «У природы нет плохой погоды» (автор текста – Э. Рязанов). Сигналами интертекстуальности, часто – прямыми или слегка искаженными цитатами предтекстов – являются номинативные или инфинитивные ряды: «...лениться – ...трудиться» (вертикальный инфинитивный ряд); «Не мореплаватель, не плотник», «Аптека, улица, фонарь» (номинативные ряды). В стихотворении присутствуют также контаминированные ряды, членами которых являются не только элементы-цитаты, но и авторские элементы Башлачева: «звезда счастья – звезда Героя соцтруда», «не мореплаватель – не плотник – не академик – не герой» (отрицательные номинативные); «воспламениться – гореть – согреть», «выйти – сказать» (инфинитивные).

В вертикальные ряды соединяются элементы разных строф, таким способом в одном ряду соплагаются элементы, принадлежащие предтекстам разных авторов и самому Башлачеву. Это создает эффект смешения временных и качественных дискурсов. Активное совмещение поэтического дискурса XIX – начала XX века и песенно-лозунговой дискурсивности становится диалогом между эпохами.

Короткое стихотворение Потимкова «Есенин» обрастает многократно умноженными смыслами благодаря интертекстуальной связи с поэмой самого Есенина «Пугачев»:

*Он рифмованной кровью
окрашивал тьму.
Прочитать те стихи было некому, некому...*

Проведите, проведите меня к нему!

Я хочу спасти этого человека!

(С. Потимков «Есенин»)

Последние две строки являются неполной цитатой из текста части 5 «Уральский каторжник» поэмы Есенина «Пугачев»:

*Сумасшедшая, бешеная кровавая мать!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?*

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.

.....
*И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.*

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.

.....
Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,

Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.

Проведите ж, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека!

(С. Есенин «Пугачев»)

В последней строфе перекликаются строки «...и спросить мне некого» (Есенин) и «Прочитать те стихи было некому, некому...» (Потимков). И в тексте Сергея Потимкова, как и в тексте Сергея Есенина присутствуют вертикальные инфинитивные ряды: «*прочитать – спасти*» (Потимков) и «*видеть – видеть – всадить – спросить – видеть*» (Есенин). У Потимкова инфинитивный ряд является сигналом интертекстуальности и дает читателю дополнительные ключи к этому тексту. Слова «*Проведите, проведите меня к нему, я хочу видеть этого человека!*» Есенин вкладывает в уста Хлопуши, «всего до самого пупа – мезью вскормленного бунтовщика». Хлопуша был послан убить Пугачева, а стал его сподвижником. Потимков, транслируя видоизмененные слова Хлопуши, возможно, чувствует себя сподвижником поэта Есенина, которого считает бунтарем-романтиком. Текст Потимкова затрагивает тему смерти Есенина. Миссия спасения путем несовершения убийства проецируется Потимковым на биографию своего лирического героя, который, проникаясь поэзией Есенина, принимая ее, спасает поэта от смерти в вечности. Значимой является также пара онимов-номинативов, которую условно образуют название стихотворения «*Есенин*» и подпись автора под стихотворением «*Потимков*». Имплицитно в эти ряды включены имена поэтов «*Сергей – Сергей*». Этот ряд содержит в себе мотив сопоставления судеб обоих поэтов.

Феномен интертекстуальности достаточно подробно описан представителями различных научных школ и направлений. Анализ современных исследований показывает существование двух ее моделей – широкой и узкой. Интертекстуальность в широком смысле рассматривается как универсальное свойство текста вообще. То есть подразумевается понимание всякого текста как интертекста (см. об этом, напр., [1, с. 89-90]). В соответствии с узким пониманием интертекстуальность выступает «как текстовая категория и особое качество определенных текстов, взаимодействующих в плане содержания и выражения с иными текстовыми целыми или их фрагментами» [8, с. 14]. Как критерий текстуальности, интертекстуальность обуславливает «воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных текстообразующих признаков, определяемых моделью его текстопостроения и – восприятия, – типом / жанром текста» [там же]. Существенным дополнением к теории интертекстуальности является концепция К. Штирле. Ученый выделяет, с одной стороны, универсальную интертекстуальность, позволяющую соотносить практически каждый текст с другим существующим, а с другой стороны – собственно «привилегированную» актуализированную интертекстуальность (см. об этом: [там же]). В таком случае понятие интертекстуальности укладывается в такие диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельно взятым текстам (или их группам) и / или лежащим в их основе смысловым кодам. Эта теоретическая основа позволяет говорить об интертекстуальности в узком смысле. В том случае, когда автор «намеренно тематизирует взаимодействие между текстами», а также при помощи специальных формальных средств обнажает его для читателя. Следовательно, речь идет о «намеренно маркированной интертекстуальности». Предполагается, что не только сам автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты других предтекстов, но и адресат верно определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Необходимым условием такого взаимодействия между автором и адресатом является «интертекстуальное сознание» обеих сторон. По справедливому утверждению Е.А. Скоробогатовой, "здесь действуют механизмы языковой и поэтической памяти" [6, с. 4].

Сюзанна Хольтиус говорит в своей работе об «интертекстуальной диспозиции», что означает наличие в тексте определенных сигналов или индикаторов, способных мотивировать реципиента к поиску связей данного текста с иными (см. об этом: [8, с. 14]).

В структурно-семиотическом плане интертекстуальность подразумевает соотнесенность между знаковыми системами, представленными в тексте и предтексте, а также способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел.

Лирическое начало стало доминантой поэтического творчества первой половины XIX века. Прецедентные синтаксические конструкции стали неким маркером стихотворчества этого периода. Появляясь в более поздних поэтических текстах, они создают полифонию эпох в роли значимого сигнала интертекстуальности. Рассмотрим это на примере стихотворения Сергея Гандлевского из авторского сборника, вышедшего в 2012 году:

*Вот наша улица, допустим,
Орджоникидзево,
Родня советским захолустьям,
Но это все-таки Москва.
Вдали топорчатся массивы
Промышленности некрасивой –
Каркасы, трубы, корпуса
Настырно лезут в небеса.
Как видишь, нет примет особых:
Аптека, очередь, фонарь
Под глазом бабы. Всюду гарь.
Рабочие в пунцовых робах
Дорогу много лет подряд
Мостят, ломают, матерят
(С. Гандлевский «Вот наша улица»)*

В тексте этого стихотворения языковые сигналы включают в авторский диалог с читателем голос поэта А. Блока. Номинативный ряд «*Каркасы, трубы, корпуса*», локализованный во второй строфе стихотворения, по нашему мнению, актуализирует прецедентную грамматическую модель номинативного ряда. Е.А. Скоробогатова говорит о том, что в языке русской поэзии используется определенный набор грамматических моделей, которые служат маркерами интертекстуальных связей и которые можно считать прецедентными [6, с. 4]. Благодаря особой организации поэтического текста, ряд именных подлежащих «*Каркасы, трубы, корпуса*» при сказуемом «*лезут*» воспринимается как узнаваемый в русской поэтической традиции номинативный ряд, ярчайший пример которого принадлежит перу А. Блока: «*Ночь, улица, фонарь, аптека...*». Метафизическая тематика стихотворения становится ощутимой для читателя благодаря актуализации поэтических мотивов первой половины XX века, что достигается автором, в частности, посредством включенности в ткань текста вышеупомянутой цитаты: «*Аптека, очередь, фонарь*».

Можно сказать, что в рассмотренном примере актуализированный номинативный ряд в качестве языкового сигнала интертекстуальности представляет собой необходимый компонент создания бергсоновского «веера прошлых лет», о котором писал Мандельштам в статье «О природе слова». Более того, в данном случае речь может идти о «веере эпох». Интертекстуальность перерастает в интердискурсивность. Акцентируется исключительно внутренняя связь явлений. Как замечает Мандельштам, «эту связь он (Бергсон – Г.О.) освобождает от времени и рассматривает отдельно. Таким образом, связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается разумному свертыванию» (цит. по: [7, с. 167]).

Думается, подобную функцию способны выполнять как инфинитивные, так и номинативные ряды в качестве сигналов межтекстовых связей и отношений. В рассмотренном примере наблюдается пространственно-временное наложение и взаимопроникновение Прошлого и Настоящего.

Здесь мы видим номинативный ряд: «*фонарь, аптека, улица, поцелуй*», который актуализирует в сознании читателя строку Блока «*Ночь, улица, фонарь, аптека...*». Таким способом в тексте сопоставляются образы городской жизни времен Блока и Гандлевского, что задает лейтмотив безысходности. Следует обратить внимание, что значимым является не только лексическое наполнение номинативного ряда, а также именно сама грамматическая форма ряда в качестве экспрессивного элемента. Сергей Гандлевский включает в свой текст именно номинативный ряд, а не отдельные лексемы «*ночь*», «*улица*», «*фонарь*», «*аптека*». Этот прием подкрепляется формированием своего собственного номинативного ряда в

рассматриваемом стихотворении: «*каркасы – трубы – корпуса – аптека – очередь – фонарь – гарь*».

Номинативные и инфинитивные ряды могут создавать интердискурсивную переключку не только между разными эпохами, но и между поэтами одной эпохи. Эти языковые конструкции материализуют диалог между поэтами. Так происходит в стихотворении Анны Ахматовой, которая вступает в диалог с Александром Блоком:

*Опять проходит полонез Шопена...,
Состарившийся Дон – Жуан
И вновь помолодевший Фауст
Столкнулись у моих дверей...
Он прав – опять **фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...***

(А. Ахматова «Опять проходит полонез Шопена...»)

Блок прямо не назван в стихотворении как собеседник, к которому обращается поэтесса (он не является собеседником: автор использует третье лицо). Но известный номинативный ряд, актуализированный в стихотворении посредством цитирования первых двух его членов «*фонарь, аптека...*», указывает без всяких сомнений на автора классического текста символистской поэзии. Наложение на семантику текста Ахматовой поэтических смыслов Блока рождает в сознании читателя особенное восприятие реальности, связанное с пониманием цикличности бытия.

Следует еще раз подчеркнуть, что аллюзия на известные поэтические тексты создается именно при помощи включения во вторичный текст всей конструкции в целом. То есть цитируются не просто лексемы – члены ряда, заимствуется сама синтаксическая форма номинативного или инфинитивного ряда. Именно синтаксическая форма ряда (номинативных или инфинитивных предикативных единиц) в силу своей особой грамматической природы является ярким индикатором интертекстуальности. В обыденной речи инфинитивные и номинативные предложения, а тем более их ряды слабо представлены. Их употребление в тексте является необычным для адресата, а потому – запоминающимся. В силу прегнантности номинатива и инфинитива их однородные ряды легко встраиваются в любой текст и воспринимаются как маркированные. Мы называем *прегнантной* такую языковую единицу, которая в наиболее свернутой, значимой и минимально необходимой грамматической форме воплощает определенное языковое значение [3].

Как показало наше исследование, номинативные и инфинитивные ряды достаточно часто выступают сигналами интертекстуальных связей. Во-первых, номинативные и инфинитивные ряды являются прецедентными синтаксическими конструкциями, связанными с расцветом русской лирической поэзии и, появляясь в текстах более поздних лет, они создают эффект полифонии эпох. Номинативные и инфинитивные ряды могут создавать интертекстуальную переключку не только между разными эпохами, но и между поэтами одной эпохи. Во многих случаях именно форма ряда, а не только лексическое наполнение, связана с созданием и передачей от автора к читателю интертекстуальных связей, то есть является компонентом смысловотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Прогресс, 1975. – 365 с.
2. Гинзбург Л. О лирике. – М.; Л., 1964. – 381 с.
3. Голикова О.М. Номинативні та інфінітивні ряди в художньому тексті : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова». – Харків, 2011. – 20 с.
4. Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством. – М., 2009. – С. 11-19.
5. Ковтунова И.И. Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. Т. 1. – М.: Азбуковник, 2005. – С. 7-72.
6. Скоробогатова Е.А. Грамматические показатели межтекстового взаимодействия: морфологическая селекция в романе А. Грина «Бегущая по волнам» и в стихотворении Б.

Херсонского «Она» // Русская филология. Вестник национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. – Харьков, 2015. – №2(55). – 74 с. – С.3-6.

7. Тарановский К. О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 432 с.

8. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2007. – С. 7-26.

9. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. (Словосочетание). – М.: Просвещение, 1966. – 156 с.

(Статья поступила в редакцию 2 февраля 2017 г.)